

Первый учебный день всегда начинается с суеты: каждому классу полагалось получить комплект учебников в отделе по работе со студентами. Классу Руань И выпало идти за ними после третьего урока.

Первые часы ушли на знакомство: учитель вызывал каждого к доске, чтобы кратко рассказать о себе. Девушку с красной заколкой, сидевшую перед Руань И, звали Тун Тун, а её подругу с длинным конским хвостом — Чи Ян. Тун Тун назначили временно исполняющей обязанности старосты. Едва отзвенел звонок с третьего урока, она поднялась со своего места и принялась отбирать парней для похода за книгами.

Но не успела она собрать команду, как дверь класса без стука распахнулась.

На пороге появились Лу Бинчэнь, Фан Чао, Цзян Цзяньяо и еще несколько рослых ребят. Каждый держал в руках по две тяжеленные стопки новеньких пособий.

Лу Бинчэнь шел первым. В ту же секунду, как он переступил порог, среди девчонок детонатором сработала волна сдавленных вздохов.

В первый день школьную форму еще не выдали, так что все пришли в своей одежде. На Бинчэне была дизайнерская белая рубашка — сочный размытый рисунок тушью изображал раскинувшего крылья сокола, — а снизу зауженные джинсы с декоративными прорезями. Руань И хватило одного взгляда, чтобы узнать этот наряд. В прошлой жизни он случайно надел точно такой же костюм на тренировочной базе.

Сердце ёкнуло, словно на него упала ледяная капля.

Лу Бинчэнь без лишних слов сгрузил стопки на учительский стол.

Тун Тун, так и не поняв, что происходит, сделала шаг навстречу:

— Ой... Вы принесли учебники для нашего класса? Спасибо огром...

Фан Чао, которого Бинчэнь ни с того ни с сего заставил горбатиться на совершенно чужой двадцать третий класс, был сбит с толку не меньше старосты. Свалив книги на пол, он пихнул локтем Цзян Цзяньяо:

— Это что еще за благотворительность?

Цзян Цзяньяо покрутил затекшей кистью, с досадой думая: «Я бы и сам хотел знать». Повернувшись к остальным, он бросил:

— Сгружайте всё сюда.

Лу Бинчэнь небрежно закатал рукава, обнажив подтянутые предплечья. Тун Тун снизу вверх смотрела на него, завороченная чуть приподнятыми уголками его глаз. Этот ленивый, цепляющий взгляд скользнул по кабинету и неторопливо остановился на Руань И.

— За спасибо сыт не будешь, — с лёгким смешком произнес Лу Бинчэнь. — Пусть ваш главный красавчик распишется.

От этого хриповатого тишайшего смешка у Фан Чао даже мурашки по коже побежали.

— А... хорошо, — Тун Тун забрала из его рук накладную. Быстро сверяясь с ведомостью, она вместе с девчонками пересчитала пачки, после чего с сияющей улыбкой подбежала к Руань И: — Ну что, главный красавчик нашего класса, черкни автограф!

Всё это время Лу Бинчэнь неотрывно смотрел на Руань И — так пристально, будто кроме него в кабинете никого не существовало.

Руань И, не поднимая глаз, размашисто расписался в графе получения. Но стоило ему отложить ручку, как на бланк опустился длинный, изящный палец, ощутило придавив бумагу к столешнице.

Руань И про себя тяжело вздохнул.

Опустив взгляд, он протянул бланк Лу Бинчэню:

— Спасибо.

Лу Бинчэнь и не подумал взять лист. Напротив, он усмехнулся:

— Я что, настолько уродина, что ты даже взглянуть на меня не удосужишься?

У Руань И нервно задергалась жилка на виске. Он уже собрался отрезать что-то резкое, но тут вмешался Фан Чао.

Тот всё это время наблюдавший за представлением со стороны, хоть ничего и не понял, нашел зрелище весьма захватывающим. Прикрыв рот кулаком, он преувеличенно кашлянул:

— Кхм-кхм... Тебя же Руань И зовут, верно? Наш Брат Чэнь отродясь ни за кем таскать вещи не нанимался. Одним «спасибо» тут не отделаешься — купи парню хотя бы бутылку воды.

— Пошел к черту, — с улыбкой огрызнулся Лу Бинчэнь. А затем снова повернулся к Руань И, тепло глядя на него: — Пить не хочешь? Я видел ваше расписание: следующим уроком

физкультура, как и у нас. Пошли вместе, я угощаю?

Руань И нахмурился.

Подобный напор со стороны Лу Бинчэня не совсем вписывался в его ожидания, но и особым сюрпризом не стал. В прошлой жизни Бинчэнь тоже проявил к нему интерес практически сразу после знакомства. Да и сошлись они тогда исключительно благодаря его гиперактивной инициативе.

Ловя на себе всё новые и новые любопытные взгляды одноклассников, Руань И поднялся из-за стола и обратился к парням, помогавшим нести книги:

— Я угощаю всех напитками. Пойдёмте к буфету.

— А их-то за что? — Лу Бинчэнь вытянул длинную ногу, перекрывая ему дорогу.

Заведя руку за спину, он подтолкнул Цзян Цзяньяо, явно давая понять, чтобы тот проваливал вместе с остальными:

— Я за них уже расплатился. Так что угощай меня одного.

Он органически не переваривал, когда внимание Руань И доставалось кому-то еще. Даже если речь шла об обычной бутылке газировки.

— Что будешь? — спросил Руань И. Единственным его желанием было поскорее сбить Лу Бинчэня с рук.

— Да так сразу и не выберешь... Возьми на свой вкус.

Обведя его стороной, Руань И вышел из класса.

Фан Чао скрестил руки на груди, непрерывно цокая языком.

Он впервые видел, чтобы Лу Бинчэнь стелился перед кем-то подобным образом: ухаживал, улыбался, сюсюкал. А самое смешное — парень-то на все эти танцы с бубном не реагировал от слова «совсем», сохраняя полнейшую ледяную отстраненность. Какое редкое, восхитительное зрелище! Цзян Цзяньяо увёл компанию, но Фан Чао уходить не собирался — шоу только начиналось.

Руань И спускался по лестнице, Лу Бинчэнь следовал за ним шагом в шаг. Похихикав про себя, Фан Чао устремился вдогонку.

Они дошли до школьного магазинчика. Руань И отпер холодильник и достал три бутылки колы. Расплатившись карточкой на кассе, он протянул по бутылке Бинчэню и Фан Чао, третью открутил сам, сделал глоток и уже собрался уходить.

Лу Бинчэнь прищурился.

Вообще-то его было трудно вывести из себя, но этот отстраненный, равнодушный взгляд Руань И... Невыносимо. Он внезапно выбросил руку вперед, крепко сжав запястье парня, и произнес с мягкой улыбкой:

— А почему ты даже не спросишь, как меня зовут?

Голос его звучал мягко и ласково, но Фан Чао отчего-то пробрал внезапный мороз.

— Мы не знакомы, — спокойно ответил Руань И. «И знакомиться не собираемся», — явственно читалось в его глазах.

Лу Бинчэнь почувствовал, как сердце сжала раскаленная клешня. Сжав пальцы на чужом запястье еще сильнее, он с трудом подавил бушующие внутри безумные порывы. И лишь затем медленно, палец за пальцем, разжал хватку.

— Руань И, меня зовут Лу Бинчэнь, — уголок его губ дрогнул в попытке улыбнуться. — В следующий раз не делай вид, будто мы чужие.

Руань И развернулся и ушел.

Провожая его взглядом, Лу Бинчэнь мысленно твердил себе: «Ничего. У нас впереди еще вся жизнь».

Спустя три минуты пластиковая бутылка колы в его руке с оглушительным хрустом смялась в лепешку.

Неторопливо шагавший неподалеку Цзян Цзяньяо, увидав эту картину, прибавил ход:

— Брат Чэнь, что стряслось?

Фан Чао тоже заподозрил неладное. Насупившись, он удивленно протянул:

— Этот парень... Он что...

Фан Чао нутром чувал, что вспышка гнева Бинчэня напрямую связана с красивым парнем из

двадцать третьего класса. Вот только если пораскинуть мозгами, тот вроде бы ничего эдакого не сделал — просто держался сдержанно и не пылал к Бинчэню неземной любовью. И из-за этого так беситься?

К собственным интеллектуальным способностям Фан Чао относился со здоровым критицизмом, а потому быстро перевел взгляд на Цзян Цзяньяо. Тот, поняв немой призыв, прокашлялся и присел рядом с Лу Бинчэнем:

— Что случилось? Ты... раньше знал этого Руань И?

Лу Бинчэнь долго молчал, прежде чем глухо бросить:

— Знал.

В прошлой жизни, узнав о смерти Руань И, он месяцами не мог спать. Абсолютный атеист, никогда не веривший ни в бога, ни в черта, он задействовал все связи семьи Лу, отыскивая по всей стране великих мастеров и святых старцев, и сам пешком пробирался в глухие горные чащи, чтобы вымалить прощение у древних храмов.

Тогда он молил об одном: пусть Руань И просто будет жив. Если он выживет, Лу Бинчэнь поклялся больше никогда не принуждать его быть рядом. Лишь бы дышал.

А когда он очнулся за десять лет до тех событий, то снова твердил себе: если судьба даст ему шанс снова увидеть Руань И, то уже абсолютно неважно, ответит ли тот взаимностью.

Однако стоило ему сегодня столкнуться с Руань И лицом к лицу, как все эти благородные зарок сгорели дотла. Ему хотелось лишь одного — сгрести этого человека в охапку и до боли сжать в объятиях... До встречи с Руань И он и помыслить не мог, что кто-то способен вызывать в нем столь безумную, всепоглощающую одержимость.

Только что ему потребовались титанические усилия, чтобы удержать себя в руках и не переступить черту.

Эта дикая, неконтролируемая жажда обладания пугала даже его самого.

Лу Бинчэнь продолжал сжимать несчастную пластиковую бутылку. Треск сминаемого пластика заглушал бешеный стук пульса — словно этой грубой силой он пытался бороться с невидимой хваткой, сжимавшей его сердце.

Звонок на урок застал Руань И на краю стадиона. Тун Тун уже всю строила класс. Поставив

банку на траву, он встал в шеренгу. С ростом метр восемьдесят три ему отводилось замыкающее место среди парней.

По ту сторону беговых дорожек и футбольного поля собирался другой класс. Руань И окинул взглядом шеренги, но ни Бинчэня, ни Фан Чао не заметил. Он медленно отвел глаза, пытаясь успокоить бушевавшие в душе чувства. Разумеется, встретить Лу Бинчэня было тяжелейшим ударом, но и появление Фан Чао с Цзян Цзяньяо отозвалось глубокой болью.

В прошлой жизни своим побегом из особняка, где его запер Лу Бинчэнь, он в сущности был обязан Цзян Цзяньяо.

Руань И до сих пор отчетливо помнил тот день, когда Цзяньяо внезапно возник на пороге его импровизированной тюрьмы.

После того как его поймали и вернули назад, Цзян Цзяньяо стал первым человеком, кроме самого Бинчэня, которого он увидел. Выражение лица Цзяньяо не сулило ничего хорошего. Он, всегда отличавшийся гибким умом и дипломатичностью, был способен выказать столь откровенную неприязнь лишь к тому, кого презирал до глубины души.

Скривив губы в ядовитой ухмылке, он сказал тогда:

— Я думал, ты еще в старшей школе усвоил урок. Какого черта ты до сих пор крутишься возле Брата Чэня? Тебе что, нравится унижаться?

Как бы паршиво ни было на душе у Руань И, показывать слабость он не собирался:

— Даже если я и унижаюсь, то перед ним, а не перед тобой. Какое твое собачье дело?

— Я работаю на Брата Чэня, — холодно отрезал Цзян Цзяньяо. — И твой этот грязноводный цирк бьет по репутации всей нашей компании.

Похоже, у него не было ни малейшего желания продолжать разговор: бросив на стол ключи от замка, он выронил короткое «пеняй на себя» и ушел.

Руань И тогда действительно сбежал... но на полпути его сбила машина. Он не знал, как реагировал Цзян Цзяньяо, услышав о его гибели. Возможно, почувствовал капельку вины, но куда вероятнее — вздохнул с облегчением. В кругу друзей Лу Бинчэня Руань И всегда считался темным пятном: во-первых, парень, во-вторых, нищий выскочка без роду и племени.

Вот только сам Руань И гордостью не уступал никому из этих барчуков. Ему и перед самим Бинчэнем-то лебезить не хотелось, не то что перед его прихлебателями. В глазах золотой молодежи подобное поведение выглядело непростительной дерзостью.

«Как бы там ни было, — подумал Руань И, — на этот раз меня с ними ничего связывать не будет».

<http://bllate.org/book/20540/2106094>